

В работе продолжается дискуссия о месте и роли органов конституционной юстиции в системе разделения государственной власти. Представлена модель конституционного нормоконтроля, позволяющая переосмыслить некоторые моменты содержания и процессуальных форм конституционного судопроизводства. Представленные теоретические соображения позволяют выделить органы конституционного нормоконтроля в отдельную ветвь судебной власти, характеризующую особой правовой природой принимаемых решений.

Ключевые слова: конституционный нормоконтроль; правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации; конституционное судопроизводство; правоприменительные действия суда; правотворческая функция суда.

Алексей Алексеевич Ливеровский,
канд. физ.-мат. наук, д-р юрид. наук,
научный руководитель юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
заведующий кафедрой конституционного права,
судья Уставного Суда Санкт-Петербурга в отставке,
заместитель председателя Межрегиональной ассоциации
конституционалистов России;
aleksei.liverovskii@list.ru

УТОЧНЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОНСТИТУЦИОННОМ НОРМОКОНТРОЛЕ*

Дискуссия о месте и роли Конституционного Суда Российской Федерации в системе разделения государственной власти не только не прекращается со временем, но и, пожалуй, нарастает, поскольку в нее включаются современные аспекты развития национальных конституционных правоотношений. С данным вопросом, по справедливому замечанию Н. С. Бондаря «связаны все актуальные проблемы – фундаментальные, теоретические, практически-прикладные – конституционного контроля, включая вопросы о юридической природе актов конституционного правосудия как итоговой формы конституционно-контрольной деятельности, степени их обязательности для иных судебных органов, а также для органов законодательной и исполнительной власти и т.д.» [6, с. 86]. Воспользуюсь приглашением этого замечательного ученого к участию в данной дискуссии [5].

1. В августе 2005 года я вышел в отставку как судья Уставного Суда Санкт-Петербурга. Сложившиеся за несколько лет судейской работы представления о деятельности, судопроизводственной специфике и природе решений регионального органа конституционной юстиции требовали

* По материалам доклада, представленного на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы организации и деятельности судебной власти в Российской Федерации». ДГУ, Махачкала, 07.12. 2015.

теоретического *осмысления*. Многое в законе, определяющем процедуру принятия решения судом, при его практическом применении, вызывало недоумение, более того, протест. Например, почему принятие решений по вопросам *публичного* права, должно происходить в рамках закрытости, определяемой судебной традицией – «молчания ягнят»? До избрания судьей, я был депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и привык, что решение вопросов, имеющих *публичный* характер и непосредственно не связанных с субъективными интересами или личным статусом людей, должно происходить в атмосфере максимальной открытости. Создание законов предполагает сопряжение различных, обычно конкурирующих правовых позиций, поэтому дискуссия депутатов, представляющих эти позиции, и отчет о результатах голосований – соотношения числа их «носителей», – должны быть открыты для граждан¹. Недоумение вызывали не только неоправданные для судей органа конституционной юстиции статусные нормы, но и *смысловая* несогласованность процессуальных положений, определенных законодательством, с правовой природой решений этого органа.

В качестве депутата я участвовал в создании законов Санкт-Петербурга, в том числе закона об органе конституционной юстиции нашего субъекта Российской Федерации. Законы субъектов Российской Федерации, определяющие организацию и деятельность конституционных (уставных) судов, в силу новационности данного института для нашего законодательства, в содержательном плане создавались как «слепки» с Федерального Конституционного Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (*далее* – ФКЗ), что, впрочем, естественно, поскольку Конституция Российской Федерации определила общее для всех органов конституционного нормоконтроля судопроизводство – конституционное².

Авторы проекта Конституции Российской Федерации совершенно осознанно выбрали судебную форму для осуществления конституционного нормоконтроля, что, несомненно, было целесообразно для периода перехода нашего государства к содержательно новому, по отношению к советскому, законодательству, и первоначальной нормотворческой «несоборности» законодательных и исполнительных органов государственной

¹ Предвосхищая представленные в работе выводы, отмечу, что целесообразно не только доводить до сведения граждан расклад голосов при принятии решения в органе конституционной юстиции, но и обязать судей при негативном голосовании представлять для опубликования мнение и особое мнение, раскрывая тем самым не только соотношение голосов, но и содержание правовых позиций отдельных судей. Публичность правовых позиций судей должна служить открытости института конституционного нормоконтроля [21].

² Отметим попутно, что конституционное судопроизводство, определенное в ст. 118 Конституции Российской Федерации как самостоятельный вид судопроизводства, безусловно, распространяется, как на Конституционный Суд Российской Федерации, так и на конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, поскольку общим основным полномочием этих органов является конституционный (уставной) нормоконтроль и, соответственно, общая природа содержания решений, что должно определять одинаковую процедуру принятия решения.

власти. Определяющую роль в выборе судебной формы³ сыграло понимание необходимости в этот период неотменяемых законодателем общеобязательных решений по корректировке действующего законодательства. Именно, исходя из этого, установлен правовой статус Конституционного Суда Российской Федерации как судебного органа государственной власти. Однако оригинального судопроизводства, в соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации, определяющего процессуальные действия судебного органа для разрешения задач конституционного нормоконтроля, не было создано. По большей части, ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» определил институт конституционного нормоконтроля в рамках традиционной модели суда общей юрисдикции, в частности, перенес в конституционное судопроизводство сложившиеся процессуальные формы гражданского процесса.

Работа в суде показала, что некоторые положения конституционного судопроизводства, перенесенные из гражданского процесса, оказались лишними для целей и задач конституционного нормоконтроля, и потому – «спящими»⁴, не используемыми в судебной практике, а традиционные судопроизводственные принципы лишь номинально «притягивались» к разрешению дел по конституционному нормоконтролю, а в объективном плане их реализация имела содержательные особенности. При этом, если существование данных моментов для деятельности Конституционного Суда Российской Федерации не имело большого значения, то для органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации с их малочисленными составами, небольшими сроками полномочий и специфическими процедурами назначения судей, судебная форма, в какой-то мере, искажала смысл деятельности и применение традиционных принципов ограничило со злоупотреблением правом⁵.

Надо отметить, что соображения, касающиеся неадекватности судебной формы природе конституционного нормоконтроля, высказывались

³ Обсуждались на заседании Конституционного совещания и альтернативные предложения о введении института конституционного надзора с его не общеобязательными решениями, – «профессионального помощника законодателя». Победила конституционно мотивированная позиция – «помещение» органа конституционного нормоконтроля в систему разделения государственной власти [25]. Однако дискуссия о месте и роли Конституционного Суда Российской Федерации в системе разделения государственной власти ведется до сих пор.

⁴ В настоящее время ученые-правоведы подтвердили существование «спящих» норм и коллизий действующего законодательства, определяющего конституционное судопроизводство [2].

⁵ Моя депутатская законодательная активность оказалась серьезным препятствием для последующей судейской деятельности. Меня много раз отстраняли от участия в рассмотрении дел на основании сомнений в моей беспристрастности, как принимающего участие в принятии законов или опубликовавшего в свое время свои правовые позиции. Очевидная для меня конъюнктурная суть соответствующих определений Уставного Суда Санкт-Петербурга обосновалась традиционными принципами судебной формы. Много позже я опубликовал свои соображения о неуместности самого критерия «беспристрастность» применительно к процессуальным действиям судьи органа конституционной нормоконтроля. Более того, показал, что устойчивость и объем «априорных» правовых позиций судьи, полученных в результате предыдущей деятельности, является необходимым условием его эффективной работы в органе конституционного нормоконтроля [19].

в научных публикациях. Так, Г. А. Гаджиев пишет: «гражданско-процессуальная форма не может эффективно служить в целях оптимальной организации судебного конституционного нормоконтроля» [11]. Еще более определенно высказался В. Е. Чиркин. Исходя из специфики полномочий по конституционному нормоконтролю и уникальности их правовой реализации, ученый отмечает: «По традиции его (Конституционный Суд Российской Федерации – *прим. автора*) относят к судебной власти, но, по существу, это не суд» [27].

Свои соображения и их полуинтуитивные обоснования мы, вместе с Михаилом Викторовичем Петровым – специалистом в области гражданского процесса, представили в научных публикациях [22, 23]. «Расплата» за недостаточную обоснованность «обнаженной авторской позиции» пришла немедленно. Сначала, в том же номере журнала [5], в котором была опубликована наша статья о «квазисудах»⁶, а потом в монографии «Судебный конституционализм в России» судья Конституционного Суда Российской Федерации Н. С. Бондарь критически оценил наши «бескомпромиссные», по его словам, тезисы «с позиций действующего законодательства, равно как и практики Конституционного Суда РФ» [6, с. 90] и пригласил к дискуссии на страницах журнала «Конституционное правосудие».

Разумеется, исходя из действующего конституционного законодательства и реализующей его судебной практики, наши выводы показались ученому, имеющему большой опыт судебной работы, объективно парадоксальными. Предложенные нами рассуждения основывались на сомнении в бесспорной адекватности установленной законодательством судебной формы, и, главное, ее эффективности для реализации института конституционного нормоконтроля.

Для более успешного обоснования опубликованных результатов размышлений потребовалось углубление в аксиологические и теоретико-правовые моменты правовой природы конституционного нормоконтроля. Известно, что самая трудная теоретическая задача в любой науке – формулирование *смыслов*. Прошло несколько лет. Интуитивные представления сложились в некую теоретическую модель⁷, вносящую, как мне представляется, определенную ясность в понятия, связанные с конституционным нормоконтролем. Надо отметить, что в *поисках смыслов* помогли доктринальные рассуждения Н. С. Бондаря, хотя и априори «судейские»,

⁶ В тексте статьи Николай Семенович Бондарь трактовал термин «квазисуд» в негативном ключе: как «не вполне доросший до суда», как «не полноценный судебный орган», и в «противопоставлении» нашей позиции, утверждал, что «Конституционный Суд РФ – больше чем суд». На самом деле, «квази...» (от лат. *quasi* – якобы, как будто), предваряющая часть сложного слова, приводящая к близкому значению, но уводящая от полной тождественности со значением основной части. Таким образом, при бесконечном уважении к состоявшемуся в нашем конституционном пространстве институту конституционного нормоконтроля и признании необходимости его судебной формы, все же приходится признать, что данный институт не в законодательном, а в смысловом плане – квазисуд, поскольку его отдельные характеристики не совпадают и не могут совпадать с традиционными судебными в силу качественно иной природы принимаемых решений.

⁷ При этом хочется согласиться с К. В. Арановским и С. Д. Князевым: «разделять общие убеждения не обязательная и вряд ли главная сторона исследований» [3].

но характеризующие глубочайшее проникновение ученого в *смыслы* конституционного нормоконтроля. Описывая природу решений органов конституционной юстиции, он отмечает, что эти решения не «*простые акты судебной практики*», их характер указывает на *правотворческую* функцию этих органов [6, с. 120]. И далее: «Специфика *нормативной энергии* решений Конституционного Суда такова, что она имеет *предметом (сферой) своего влияния*, прежде всего, *нормативные величины* наиболее высокого, абстрактного уровня – общие принципы права, конституционные ценности и принципы, получающие реализацию во всех отраслях системы действующего права» [6, с. 122].

Эти замечания Н. С. Бондаря привели к пониманию, что смысл конституционного нормоконтроля надо искать не в судебном контексте деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, а в правотворческих характеристиках его решений.

2. Традиционно суды считаются правоприменительными органами⁸. Воспользуемся понятием правоприменительной деятельности, разработанным классиком теории права С. С. Алексеевым [1] для судов общей юрисдикции (*далее* – суды). Деятельность суда рассматривается ученым, как система разнородных правоприменительных действий. Автор разграничивает эти действия по стадиям:

– *установление в судебном порядке фактических обстоятельств* дела путем исследования и оценки доказательств, предлагаемых сторонами в установленных соответственным судопроизводством средствах доказывания: свидетельских показаний, экспертных заключений и т.д.;

– *установление юридической основы* дела: выбор норм закона и их особое «правоприменительное толкование»;

– на основе установленных судом фактических обстоятельств, выбора и толкования норм закона *принятие решения по юридическому делу*.

Выполнение судом правоприменительных действий первой стадии носит субъективный, оценочный характер, зависит от усмотрения судьи. Это прямо прописано в соответствующих законах (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ): «судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению», а ст. 17 УПК РФ дополнительно устанавливает: «...руководствуясь законом и *совестью*». Субъективный характер судебного убеждения подчеркивает М. И. Клеандров: «Судьи различаются не только по множеству параметров, но и по субъективному восприятию возможностей судебного усмотрения и по реальному в конкретных делах проявлению этих возможностей» [14].

Действия второй стадии также находятся под влиянием субъективного усмотрения. Установленные судом конкретные факты (обстоятельства

⁸ В современном понимании, при отходе от отождествления права и закона, то есть при выходе за рамки легистского правопонимания, суды следует называть законоприменительными органами. В теории и истории права есть два подхода к пониманию сущности права: легистский (от лат. *Lex* – закон) и юридический (от лат. *Ius* – право). Согласно легистскому подходу под позитивным правом понимается продукт деятельности власти государства. В этом случае право отождествляется с законом (в собирательном смысле), сводится к его формальным источникам. Исходя из юридического правопонимания, суды применяют «законы», созданные властью, а не «право», существующее «естественно».

дела) подводятся под норму закона, то есть проводится распространение общих правил на конкретные жизненные обстоятельства. Судья толкует нормы закона, при этом правоприменительное толкование субъективно, связано с его индивидуальным усмотрением: «судья должен действовать не механически, а взвешивать, обдумывать, получать впечатления (! – прим. автора)» [14, с. 317]. Отметим, что широкое поле для субъективизма при выработке судебного решения предоставляют нормы действующего законодательства, содержащие нормативно неопределенные оценки: «разумный срок», «разумные пределы» и др.

Таким образом, в основе правосудных решений лежат субъективные оценки конкретного судьи, его усмотрение, определяемое, в лучшем случае, его представлением о справедливости⁹. Поэтому для обеспечения конституционности судопроизводства необходимо, чтобы применение закона судьей происходило с гарантией беспристрастности и справедливости. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» подтверждает это, предлагая судье принести присягу в том, что осуществляя правосудие, он должен, подчиняясь закону, быть беспристрастным и справедливым. Правосудие, в его сложившемся понимании, связано с преодолением субъективных факторов в действиях судьи¹⁰.

Применение судами законов связано с усмотрением судей – субъективной составляющей решения.

3. Основное содержание судебных действий первого этапа – установление судом фактических обстоятельств¹¹. Только после их установления судья применяет подходящую норму закона. Переходя к законодательно установленным полномочиям органа конституционной юстиции, отметим, что «Конституционный Суд Российской Федерации решает *исключительно* (прим. автора) вопросы права и воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов...». От первого прочтения этой нормы возникает ощущение коллизии¹². Данная норма устанавливает обобщенную компетенцию органа конституционного контроля и отграничивает способы ее реализации от процедур, свойственных традиционным судопроиз-

⁹ В современных научных публикациях широко обсуждается понятие «судейское усмотрение». Так А. В. Шнитенков считает, что именно возможность судьи опираться при вынесении решения на собственные субъективные оценки становится питательной средой для злоупотреблений, в том числе и коррупционной направленности, и предлагает законодательно сужать границы судейского усмотрения [28].

¹⁰ Законодательство устанавливает гарантии беспристрастности судьи, например, применяя институт отвода судьи от рассмотрения дела в случае, если возникают сомнения в его беспристрастности.

¹¹ То, что установление фактических обстоятельств судами является самостоятельной частью решения, подтверждается тем, что этот вывод имеет преюдициальное значение (ст. 90 УПК).

¹² Совокупность двух приведенных законодательных установлений порождает смысловую, а, значит, и правовую коллизию. Исходя из буквального смысла закона, Конституционный Суд Российской Федерации, разрешая «исключительно вопросы права», *ни в каких случаях* не может устанавливать в судебном порядке фактические обстоятельства, с использованием традиционных для обычных судов средств доказывания. При этом, не понятно: *о каком* установлении, *каких* фактических обстоятельствах идет речь в ст. 75 ФКЗ.

водствам. Г. А. Гаджиев подтверждает: «По буквальному смыслу закона недопустимо установление и исследование тех фактических обстоятельств, которые должны устанавливаться иными судами» [12]. Отметим, что вышеуказанное положение ФКЗ связывает компетенцию судебных органов с процессуальными способами ее реализации. В контексте данной статьи «установление фактических обстоятельств» следует считать процессуальным способом реализации некой судебной компетенции, отличной от компетенции, установленной ФКЗ для органа конституционной юстиции. Доктринальное представление об исключительной компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, в частности, можно получить, анализируя п. 7 той же статьи. В нем устанавливается, что полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, «не должны противоречить его юридической природе и предназначению в качестве судебного органа конституционного контроля». В этой связи рудиментом, перенесенным из гражданского процесса, выглядит ст. 84 ФКЗ, которая определяет пределы проверки на конституционность нормативных правовых актов органов государственной власти и договоров между ними, не только по содержанию норм, но и «по порядку подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие»¹³. С моей точки зрения, «воздержание», определенное ст. 3 ФКЗ, должно быть полным – органы конституционной юстиции не должны, пользуясь процессуальными возможностями, характерными именно для судов общей юрисдикции, устанавливать в процессе фактические обстоятельства. Разумеется, следует различать судебное установление действительно содержательных фактических обстоятельств (как приведено далее в сносках по материалам судебной практики) и формальную проверку Конституционным Судом Российской Федерации статусных данных участников процесса, стандартно производимую во всех судебных органах. Процессуальное разграничение и его более точное законодательное закрепление, должно быть определено между судебным *установлением* фактических обстоятельств и *исследованием* фактических обстоятельств (например, статистических данных, привлеченных Конституционным Судом Российской Федерации), необходимых для создания правовых позиций¹⁴. При этом рассмотрение фактиче-

¹³ Напомню громкое судебное дело конца 1990-х. Судебное рассмотрение оспоренной процедуры принятия Устава Санкт-Петербурга Санкт-Петербургским городским судом (январь 1998 г.) потребовало заслушивания свидетельских показаний депутатов, присутствующих при голосовании, криминалистической экспертизы железнодорожных билетов и командировочных удостоверений для установления фактического обстоятельства – наличия кворума, что и было осуществлено судебными коллегиями по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда и Верховного Суда Российской Федерации. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указывается: «Как усматривается из добытых судом доказательств, процедура принятия Устава Санкт-Петербурга на заседании 14 января 1998 г. полностью соответствовала требованиям Регламента заседаний Законодательного Собрания Санкт-Петербурга». То есть суды общей юрисдикции установили фактические обстоятельства – состоявшуюся процедуру принятия Устава Санкт-Петербурга и, применяя Регламент заседаний Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, подтвердили ее законность.

¹⁴ Более подробные теоретические рассуждения и связанные с ними законодательные предложения в работе: Ливеровский А. А. Научная состоятельность перспективы конституционной универсализации нормоконтроля в Российской Федерации [16].

ских обстоятельств должно носить лишь служебный характер, не связанный с правовым содержанием решений органа конституционной юстиции¹⁵.

Приведенные соображения приводят к выводу об отличии реального, соответствующего природе принимаемых решений, а не законодательно установленного содержания процессуальных действий органа конституционного нормоконтроля от правоприменительных действий судов.

4. Определения понятий, сформулированных С. С. Алексеевым, находятся в традиционной для советского ученого позитивистской парадигме: «Право – это система общеобязательных, формально-определенных норм» [1, с. 81]. При этом ученый выделяет в правовых системах «специфические явления» – принципы права, которые «по самой своей природе отличаются столь высокой степенью всеобщности и стабильности, что характеризуют главное, определяющее в праве» [1, с. 300]. С. С. Алексеев отмечает их самостоятельное нормативное значение и особое положение в структуре права как основополагающих регулятивных элементов, не совпадающих с нормами права.

Для современных правоведов становится все более привлекательным юридическое (естественно-правовое¹⁶) правопонимание, характеризующееся разграничением права и закона и представляющее право как нечто объективно существующее, не зависящее от волеизъявления законодателя, и, что еще более важно, от произвола государственной власти.

Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном голосовании, отражает волю народа, его представление о пути государственного развития страны. Конституционный текст, его содержание, в теоретическом плане не зависит (по крайней мере, не должен зависеть, – *прим. автора*) от сиюминутных действий законодательной власти. Конституционный Суд Российской Федерации, обеспечивая верховенство Конституции Российской Федерации, сравнивает законы, принятые органами государственной власти, с совокупностью правовых принципов, составляющих ее

¹⁵ Интересен в этой связи законодательный опыт Республики Армения. Закон о Конституционном Суде Республики Армения от 9 декабря 1997 г. в ст. 57 предусматривал, что связанные с делом фактические обстоятельства не могут стать предметом судебного разбирательства. В соответствии с этим установлением Конституционный Суд Республики Армения в своем решении от 24 марта 2003 г. отказался анализировать конкретные обстоятельства, связанные с рассматриваемым делом, указав при этом, что соответствующими полномочиями расследовать конкретное правонарушение, доказывать противозаконность действий и принимать окончательное решение по этому вопросу обладают суды общей юрисдикции. Завершает эту тему решение Конституционного Суда Республики Армения от 25 февраля 2011 г., в котором определяется правовая сущность его решений, как исключительное выявление конституционного содержания предложенных нормативных правовых актов. При этом, установление конституционности нормативного правового акта – это его проверка исключительно по содержанию норм, не выходящая за рамки анализа права.

¹⁶ Используя понятие «естественное право», я уклонюсь от дискуссии о его происхождении, будь то выстраданный человечеством результат опыта выживания или религиозные догматы, предпосланные Богом.

основное содержание¹⁷. Исчерпывающую характеристику конституционным принципам, их «естественному» характеру дает Г. А. Гаджиев [12]: «Конституционные принципы, являясь, естественно, разновидностью правовых принципов, представляют собой базовые мировоззренческие юридические предписания, прибывающие в «свернутом виде». Они характеризуются наивысшей степенью нормативной обобщенности, неконкретным юридическим содержанием (не нормы! – прим. автора) и в силу этого – высоким потенциалом разностороннего развития посредством формирования развивающихся представлений о них. Не будучи до конца распознанными, они реальны, но вместе с тем представляют собой некое таинство и потому, подобно притчам в священных текстах, обладают мистическим содержанием»¹⁸. Добавлю, что исходя из теоретических представле-

¹⁷ Тамара Григорьевна Моршачова убедительно связывает конституционность применяемых судами законов с тождественностью верховенство Конституции и верховенство права, а неконституционные законы считает неправовыми [25].

¹⁸ Библийские тексты, которые, вне зависимости от признания того или иного начала источником мироздания, несомненно являются плодом человеческого разума. Обнаруженные в них правовые конструкции можно трактовать как модели способов регулирования общественных отношений, сложившиеся в процессе развития цивилизации и ставшие предтечами различных направлений современного научного моделирования. Более значимо, убедившись в их естественной и общей для человеческого сознания (или подсознания!) природе, использовать их как достоверный источник понимания современных правовых категорий. Обратимся к десяти заповедям, написанным, согласно Библии, на каменных скрижалях Богом и переданных Моисею. Для разрешения конфликтов обращающихся к нему людей Моисей – первый судья – не только принимал решения по конкретным делам, но для их разрешения толковал заповеди. Заповеди и по форме, и по содержанию являются правовыми принципами, категоричное значение которых соответствует современному естественно-правовому пониманию. Моисей от имени Бога, исходя из десяти заповедей (толкуя их), создавал новые правовые принципы, тем самым устанавливал правопорядок и пророчествовал. С определенной долей условности можно заключить, что так создавалось развивающееся естественное право – Закон Божий (протоконституция – прим. автора), основными структурными элементами которого являлись правовые принципы – объективно действующие регуляторы общественных отношений. С точки зрения современных конституционных понятий, десять заповедей – это система правовых фундаментальных принципов, реализующих иерархию гуманитарных ценностей во главе с высшей ценностью – «жизнь человека». То, что заповеди реализуют высшую ценность «жизнь человека», прочитывается во всех заповедях, например, в заповеди, реализующей вытекающие из высшей ценности социальные, семейные ценности: *«Почтай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе»*. В содержании правовых принципов Моисея также можно выявить реализацию высшей для Библии ценности «жизнь человека»: *«...слушайте законы, которые я научаю вас исполнять, дабы вы были живы и размножились...»*. Правовыми принципами являются и напутствия Моисея назначенным им судьям. Новеллы напутствия можно считать установлением принципов демократического судопроизводства: *«...выслушайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его, не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушайте ...»*. Исходя из текста «Исхода», можно восстановить в современных терминах и введенную Моисеем, в связи большим объемом обращений, судебную систему. Назначенные им судьи *«...судили народ во всякое время; о делах важных доносили Моисею, а все малые дела судили сами»*. В данном случае описывается не инстанционная судебная система рассмотрения одних и тех же дел в иерархии судов, а система разграничения компетенции между назначенными Моисеем судьями, рассматривающими обычные дела, применяя Закон Божий, и, возможно, образуя прецеденты, и Моисеем, разре-

ний о развитии конституционной культуры [28] следует, что, с одной стороны, возникновение конституционных принципов, их объективность восходит к необходимости реализации высших социальных ценностей и, прежде всего, естественной ценности – «жизнь человека», с другой, – их появление в конституционной жизни общества, характеризует уровень конституционного развития в большей степени, нежели флуктуации политических режимов и связанных с ними законодательных «опытов». Вышеуказанные соображения позволяют ввести отграниченное от законодательства понятие «Право Конституции», определив его как совокупность конституционных принципов, связанных с конкретной конституцией¹⁹. Представление о естественном праве, как о совокупности правовых принципов, не является новацией. Так, конструкцию структуры естественного права предлагает, например, признанный авторитет в еврейском праве Менахем Элон: «В каждой юридической системе можно обнаружить некие фундаментальные принципы, на базе которых образовались все остальные. Эти основные принципы незыблемы и неизменны. ... В еврейском праве это повеления Божьи в том виде, в каком они выкристаллизовались в Торе» [23]. Среди конституционных принципов, связанных с конкретной конституцией, можно выделить базовые правовые принципы²⁰, определенную систему которых называют конституционной моделью. Базовые конституционные принципы, так же как математические аксиомы²¹, строятся на основе первичных понятий, составляющих фундамент Права Конституции: *справедливость, свобода, равенство*. Так же как математические первичные понятия²², их следует считать фикциями²³, то есть понятиями, которым отводится инструментальная роль в теории по-

шающим *специальные* дела, которые требуют толкования заповедей и создания новых правовых принципов [4]. Интересно, что деятельность Моисея по толкованию Закона Божьего рассматривалась иудеями как пророчество. На аналогию института пророчества с толкованием Конституции Российской Федерации указывает Г.А. Гаджиев, тем самым обосновывая свои выводы о сакральности конституционных принципов [7].

¹⁹ А. В. Коновалов определяет естественное право как совокупность правовых принципов (Доклад на Санкт-Петербургском юридическом конгрессе 2015 г.).

²⁰ Надо отметить, что это теоретически ясная, но практически не простая задача.

²¹ Аксиома – исходное понятие, предположительно самоочевидный (интуитивно одобренный) или выбранный из определенных соображений *принцип*, не предполагающий какого-либо обоснования. Классические аксиомы геометрии хотя и основываются на опыте, но, по сути дела, являются теоретическими предположениями.

²² Например, в геометрии Евклида – это «точка», «прямая», «плоскость».

²³ Фикционализм (от лат. *fictio* – выдумка, вымысел) — философское представление о модельном мышлении как о системе фикций, искусственных, абсолютизированных, идеальных объектов, используемых в познании понятий, не имеющих общепонимаемого отражения в действительности. Следует отличать используемое в нашем контексте понятие – категории теории познания от так называемой правовой фикции – наиболее востребованного инструмента римского права. Новое понятие фикции введено Гансом Файхингером для *отражения противоречий* в понимании реальной действительности и существует лишь как продукт человеческого мышления и используется сознательно для разумного целеполагания [30]. Для юриспруденции такой фикцией является, например, «справедливость» – субъективно понимаемая категория, не имеющая общего разделяемого всеми людьми значения, но широко используемая для оценки социальных правоотношений.

знания²⁴. На них, так же как и на первичные понятия математики, распространяется «общественный договор» об их условно-субъективном понимании. Субъективно воспринимаемые в каждой конституционной культуре фикции, связывая нормативно определенные объекты, формируют объективные конституционные принципы. Например, положение ст. 19(1) Конституции Российской Федерации: «Все “равны” перед законом и судом». Что такое «закон» и «суд» можно законодательно установить, а фикция «равны» связывает эти понятия в конституционный принцип. Ее понятийная вариативность позволяет придать определенный смысл при толковании данного принципа Права Конституции в каждой конкретной правовой ситуации.

Для решения вопроса о конституционности закона органы конституционного нормоконтроля, исходя из системы базовых конституционных принципов (толкая их в совокупности), создают правовые позиции (или используют уже созданные), логически обусловленная последовательность которых приводит к искомому выводу – резолютивной части решения – характерному судебному правовому акту. Приведем замечание Г. А. Гаджиева: ученый рассматривает правовые позиции органа конституционного нормоконтроля как правовые принципы, пригодные для разрешения группы сходных юридических коллизий, имеющие общеобязательное значение и представляющие собой «выявленное судом кристаллизованное право» [8]. Таким образом, если считать определенную совокупность базовых конституционных принципов структурной основой Права Конституции [17], то «выкристаллизовавшиеся» из нее правовые позиции – новые конституционные принципы – можно считать элементами этого права. Процесс создания правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиев определяет как «объективирование юридических норм» [9]. Исходя из приведенной модели, можно заключить, что, например, первичное понятие (фикция) *справедливость*, имеющая условно-субъективное значение, в результате правотворческих действий превращается в *объективный конституционный принцип справедливости* – правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, элемент Права Конституции.

Основой для принятия судебного вывода, сформулированного в резолютивной части, являются не законоприменительные, а правотворческие действия органа конституционной юстиции по *объективизации* общественных отношений [20] – созданию права в его «естественно-конституционном» понимании.

С предложенной обоснованностью, органы конституционной юстиции, в отличие от судов, следует считать правотворческими органами.

5. Представленная модель конституционного нормоконтроля позволяет переосмыслить некоторые моменты содержания и процессуальных форм конституционного судопроизводства:

²⁴ Кстати, С. С. Алексеев называет юридическими фикциями связки в правовом материале, обеспечивающие оптимальное функционирование правовой системы [1, с. 301].

а) органы конституционного нормоконтроля не решают вопрос о вине и ответственности (даже конституционно-правовой!) органов государственной власти, принявших неконституционный акт, или должностных лиц, его подписавших, не устанавливают «недобросовестность» или «умысел» их действий, не принимают фискальных судебных решений, в соответствии с которыми одна из сторон претерпевает негативные правовые или материальные последствия. В этом смысле органы конституционного нормоконтроля, несмотря на придание им конституционным законодательством статуса органа судебной власти, не «судят» в привычном для обыденного понимания смысле, тем более не являются «судом над властью»;

б) по отношению к содержанию действий органов конституционного нормоконтроля теряет свой исходный смысл понятие «правосудие». Во всех словарях написано, что правосудие – это принятие решений в соответствии с законом и справедливостью. Для судей органа конституционной юстиции понятия «усмотрение судьи» (субъективная часть законоприменительных действий) и «беспристрастность» (отторжение влияния субъективных факторов на действия судьи) неприменимы, поскольку их правотворческие действия по созданию правовых позиций основываются не на субъективном представлении о справедливости, а на толковании конституционного принципа справедливости во взаимосвязи с иными конституционными принципами и являются *объективизацией* общественных отношений;

в) правовые позиции органа конституционного нормоконтроля – это не застывшие догмы, а гибкие доктрины [13], позволяющие для каждого запроса о конституционности закона определять баланс конституционных принципов в соответствии с изменяющейся реальностью конституционного развития и, тем самым, производить конституционализацию общественных правоотношений [15]. Поэтому не стоит сетовать на изменение уже созданных правовых позиций Конституционным Судом Российской Федерации. Его решения по конкретным делам окончательны, а правотворческий процесс создания правовых позиций должен «выбрасывать» неконституционные нормы, аппроксимировать действующее законодательство в соответствии с реальным конституционным развитием государства. Данные исключительные полномочия органа конституционного нормоконтроля позволяют осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина, не только и не столько на момент или по факту принятия закона, а в соответствии с изменяющейся реальностью конституционного развития государства;

г) об особенностях реализации в конституционном процессе традиционных судопроизводственных принципов. Понятие «стороны» как субъекта предоставления доказательств о неких фактических обстоятельствах, из оценки которых возникает возможность применения закона, теряет исходный процессуальный смысл. Реализация нормативно установленного полномочия – разрешение *спора* о праве с помощью создания нового права, отражающего уровень конституционной культуры в определенный конкретным делом момент конституционного развития, не подра-

зумеает процессуальной состязательности сторон²⁵. Представляется, что заявитель является лишь инициатором процесса конституционализации правоотношений, а остальные процессуальные фигуры могут представить в качестве правовых позиций по делу лишь конъюнктурно-политические соображения, далекие от «творения права». Состязательность можно усмотреть лишь в коллегиальном обсуждении правовых позиций отдельных судей, с возможностью закрепления их в мнениях и в особых мнениях;

д) представленные теоретические соображения позволяют сделать вывод о месте и роли Конституционного Суда Российской Федерации в системе разделения властей. Смысл содержания основного демократического принципа разделения государственной власти состоит в разграничении полномочий органов государственной власти, в рамках которых их деятельность осуществляется независимо. Представляется, что можно обозначить две ветви судебной власти: судебных органов, деятельность которых можно определить как законоприменительную, и органов конституционной юстиции. При этом соответствующие судопроизводства должны в процессуальном плане содержательно различаться. Должное разделение не вполне соотносится с существующим законодательно определенным разграничением полномочий. В компетенцию судов общей юрисдикции входят полномочия по абстрактному, неконституционному нормоконтролю. Представляется, что полномочие по судебному нормоконтролю следует законодательно передать органам конституционного нормоконтроля, например, расширив компетенцию конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации [18];

е) исходя из безусловного признания законодательного установления судебной формы, для органа конституционного нормоконтроля оправдано находиться в парадигме традиционных судопроизводственных принципов. Особенно, если сложившаяся судебная практика разрешения дел в Конституционном Суде Российской Федерации в течение многих лет представляла замечательные результаты. И, тогда, можно не замечать «спящих» процессуальных норм, позволяющих допускать злоупотребление правом [19], особенностей реализации традиционных принципов судопроизводства – неадекватности процессуальной формы правовой природе конституционного нормоконтроля, и при этом констатировать «бесперспективность “замороженного” состояния региональной конституционной юстиции (важнейшего института обеспечения эффективности федеративных отношений! – *прим. автора*) при сохранении нынешней системы правового регулирования судостроительственных и судопроизводственных отношений в Российской Федерации» [6, с. 100]. Судебная форма для разрешения дел органом конституционной юстиции необходима лишь для придания установлениям резолютивной части решения высшей юридической силы по корректировке действующего законодательства. Создание же мотивировочной части решения, в частности «творение» правовых по-

²⁵ Ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» освобождает судей от оценки позиций сторон: «Конституционный Суд Российской Федерации при принятии решения не связан основаниями и доводами, изложенными в обращении».

зий Конституционного Суда Российской Федерации, требует процессуальных форм, отличных от традиционно судебных. Конституционное судопроизводство должно соответствовать правовой природе принимаемых органом конституционного контроля решений – его надо создавать в новой правотворческой парадигме.

Список литературы

1. **Алексеев С. С.** Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби ; Проспект, 2008. 576 с.
2. **Арановский К. В., Князев С. Д.** Еще раз о письменном отправлении конституционного правосудия в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 4(28). С. 8 – 15.
3. **Арановский К. В., Князев С. Д.** Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М. : Проспект, 2016. 208 с.
4. **Библия.** М. : Российское Библейское Общество, 2000. 600 с.
5. **Бондарь Н. С.** Конституционный суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 28 – 33.
6. **Бондарь Н. С.** Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2011. 544 с.
7. **Гаджиев Г. А.** Онтология права. М. : Норма, 2013. 320 с.
8. **Гаджиев Г. А.** Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник Конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : сб. докладов. М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. С. 109 – 112.
9. **Гаджиев Г. А.** Правовые позиции Конституционного Суда РФ как новый источник российского гражданского права // Закон. 2006. № 11. С. 22 – 32.
10. **Гаджиев Г. А.** Принципы права и право из принципов // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2008. № 2(63). С. 22 – 45.
11. **Гаджиев Г. А., Гаджиев А. Г.** Общие принципы судебного нормоконтроля. М.: Российская академия правосудия, 2006. 157 с.
12. **Гаджиев Г. А.** Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации. Часть II // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 2. С. 1 – 12.
13. **Гуцан Н. Ф.** Акты конституционной юстиции в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Н. Ф. Гуцан. СПб., 2009. 25 с.
14. **Клеандров М. И.** Статус судьи: правовой и смежный компоненты. М.: Норма, 2008. 256 с.
15. **Крусс В. И.** Конституционализация права: основы теории. М.: Норма : ИНФА-М, 2016. 240 с.
16. **Ливеровский А. А.** Научная состоятельность перспективы конституционной универсализации нормоконтроля в Российской Федерации // Сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации. Тверь, 12 – 13 мая 2013 г. ТГУ, 2013. С. 221 – 226.
17. **Ливеровский А. А.** О правопонимании в конституционной юстиции // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 7 – 9.
18. **Ливеровский А. А.** О разграничении полномочий в сфере нормоконтроля между органами конституционной юстиции и судами общей юрисдикции // Конституция РФ: социальные ориентиры, практика реализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 24–25 октября 2014 г. Барнаул, 2014. С. 42 – 45.

19. **Ливеровский А. А.** Объективность правоприменительных действий судьи органа конституционной юстиции // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 63 – 67.
20. **Ливеровский А. А.** Объективность решений органов конституционного нормоконтроля // Альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2015. С. 168 – 177.
21. **Ливеровский А. А.** Публичность правовых позиций как гарантия независимости судей // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2(8). С. 39 – 41.
22. **Ливеровский А. А., Петров М. В.** Некоторые особенности реализации принципа состязательности в конституционном (уставном) процессе // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 42 – 49.
23. **Ливеровский А. А., Петров М. В.** Органы конституционной юстиции как «квазисуды» // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 23 – 27.
24. **Менахем Элон.** Еврейское право / Под общ. ред. И. Ю. Козлихина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 611 с.
25. **Митюков М. А.** О генезисе конституционного правосудия в России (идеи, проекты, институциональные предпосылки XIX – начала XX в.) // Государственная власть и права человека : сб ст. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 101 – 118.
26. **Морщакова Т. Г.** Верховенство права и независимость судебной власти // Ученые записки юридического факультета / под ред. А. А. Ливеровского. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. Вып. 17(27). С. 5 – 14.
27. **Чиркин В. Е.** Законодательная власть. М.: Норма, 2008. 332 с.
28. **Шнитенков А. В.** К чему ведет широкое судебское усмотрение // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 41.
29. **Harutunian G. G.** Constitutional Culture: The Lessons of History and the Challenges of Time. Yerevan, 2009.
30. **Vaihinger H.** Die Philosophie des Als Ob. Berlin. 1911.

References

1. **Alekseev S.S.** *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law], Moscow: TK Velbi, Prospekt, 2008. 576 p. (In Russ.)
2. **Aranovskii K.V., Knyazev S.D.** [Once again on the written administration of constitutional justice in the Russian Federation], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2012, no. 4(28), pp. 8-15 (In Russ.)
3. **Aranovskii K.V., Knyazev S.D.** *Pravlenie prava i pravovoe gosudarstvo v sootnoshenii znakov i znachenii* [The rule of law and the rule of law in the ratio of signs and meanings], Moscow: Prospekt, 2016, 208 p. (In Russ.)
4. **Bibliya.** Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2000, 600 p.
5. **Bondar' N.S.** [The Constitutional Court of Russia: not "quasisud", but more than a court], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2010, no. 3. pp. 28-33 (In Russ.)
6. **Bondar' N.S.** *Sudebnyi konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice], Moscow: Norma; INFRA-M, 2011, 544 p. (In Russ.)
7. **Gadzhiev G.A.** *Ontologiya prava* [Ontology of law], Moscow: Norma, 2013, 320 p. (In Russ.)
8. **Gadzhiev G.A.** [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of the Constitutional law], *Konstitutsionnoe pravosudie v post-kommunisticheskikh stranakh: sbornik dokladov* [Constitutional justice in post-communist countries: Sat. reports]. Moscow: Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy MONF, 1999, pp. 109-112. (In Russ.)

9. **Gadzhiev G.A.** [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a new source of Russian civil law], *Zakon* [Law], 2006, no. 11, pp. 22-32 (In Russ.)
10. **Gadzhiev G.A.** [Principles of law and law from principles], *Sravnitel'noe Konstitutsionnoe Obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2008, no. 2(63), pp. 22-45 (In Russ.)
11. **Gadzhiev G.A., Gadzhiev A.G.** *Obshchie printsipy sudebnogo normokontrolya* [General principles of judicial normative control], Moscow: Rossiiskaya akademiya pravosudiya, 2006, 157 p. (In Russ.)
12. **Gadzhiev G.A.** [Goals, objectives and purpose of the Constitutional Court of the Russian Federation. Part II], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2008, no. 2, pp. 1-12 (In Russ.)
13. **Gutsan N.F.** *Extended abstract of candidate's of law thesis*, St. Petersburg, 2009, 25 p. (In Russ.)
14. **Kleandrov M.I.** *Status sud'i: pravovoi i smezhnyi komponenty* [Judge status: legal and related components], Moscow: Norma, 2008, 256 p. (In Russ.)
15. **Kruss V.I.** *Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii* [Constitutionalization of law: the basis of the theory], Moscow: Norma: INFA-M, 2016, 240 p. (In Russ.)
16. **Liverovskii A.A.** [Scientific validity of the prospect of constitutional universalization of normative control in the Russian Federation], *Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Collection of articles on the materials of Intern. scientific-practical. devoted to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation], Tver', 2013, pp. 221-226 (In Russ.)
17. **Liverovskii A.A.** [On legal understanding in constitutional justice], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2015, no. 6, pp. 7-9 (In Russ.)
18. **Liverovskii A.A.** *Konstitutsiya RF: sotsial'nye orientiry, praktika realizatsii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Constitution of the Russian Federation: social guidelines, practice of implementation: materials Vseros. scientific-practical Conf.], Barnaul, 2014, pp. 42-45 (In Russ.)
19. **Liverovskii A.A.** [Objectivity of law enforcement actions of the judge of the constitutional justice body], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2015, no. 10, pp. 63-67 (In Russ.)
20. **Liverovskii A.A.** [Objectivity of the decisions of the bodies of constitutional norm control], *Al'manakh, Konstitutsionnoe pravosudie v novom tysyacheletii* [Almanac. Constitutional justice in the new millennium], Erevan, 2015, pp. 168-177 (In Russ.)
21. **Liverovskii A.A.** [Publicity of legal positions as a guarantee of independence of judges], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2009, no. 2(8), pp. 39-41 (In Russ.)
22. **Liverovskii A.A., Petrov M.V.** [Some features of the implementation of the principle of competitiveness in the constitutional (statutory) process], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2008, no. 1, pp. 42-49 (In Russ.)
23. **Liverovskii A.A., Petrov M.V.** [The bodies of constitutional justice as "quasi-judicial"], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2010, no. 3, pp. 23-27 (In Russ.)
24. **Menakhem Elon.** *Evreiskoe pravo* [Jewish Law], St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2002, 611 p. (In Russ.)

25. **Mityukov M.A.** [On the Genesis of Constitutional Justice in Russia (Ideas, Projects, Institutional Preconditions of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries)], *Gosudarstvennaya vlast' i prava cheloveka: sb statei*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2003, pp. 101-118 (In Russ.)

26. **Morshchakova T.G.** [Rule of law and independence of the judiciary], In book: *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta* [Scientific notes of the Faculty of Law], St. Petersburg: Izdatel'stvo SPBGUEF, 2010, Is. 17(27), pp. 5-14 (In Russ.)

27. **Chirkin V.E.** *Zakonodatel'naya vlast'* [Legislature], Moscow: Norma, 2008, 332 p. (In Russ.)

28. **Shnitenkov A.V.** [What is the broad discretion of a judge], *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 2003, no. 4, pp. 41. (In Russ.)

29. **Harutunian G.G.** *Constitutional culture: The lessons of history and the challenges of time*, Yerevan, 2009.

30. **Vaihinger H.** *Die Philosophie des Als Ob*, Berlin, 1911.

CLARIFICATION OF THE CONCEPT OF CONSTITUTIONAL NORMATIVE CONTROL

A. A. Liverovsky,

*Cand. Phys.-Math. Sci., Doctor of Law, Scientific Adviser to the Law Faculty
St. Petersburg State University of Economics,
Head of the Department of Constitutional Law,
Judge of the Statutory Court of St. Petersburg,
Deputy Chairman of the Interregional Association
of Constitutionals of Russia;
aleksei.liverovskii@list.ru*

The paper continues the discussion on the place and role of the bodies of constitutional justice in the system of separation of powers. A model of constitutional normative control is presented; it allows rethinking some moments of content and procedural forms of constitutional legal proceedings. The presented theoretical considerations make it possible to single out the bodies of constitutional provisions observation in a separate branch of the judicial power characterized by the special legal nature of the decisions made.

Keywords: constitutional normative control; legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional litigation; law enforcement actions of the court; law-making function of the court.

© А. А. Ливеровский, 2018

Статья поступила в редакцию 25.01.2018